

Лю Чжэньцин остался крайне доволен своей маленькой шалостью. Заметив, что Хо Фэнле ничем не выдал смущения, он мысленно улыбнулся.

С тех пор как они покинули императорскую столицу, Лю Чжэньцин окончательно расслабился, решив плыть по течению. Он прекрасно понимал: находиться круглые сутки в напряжении, изображая кого-то другого под одной крышей с генералом, — слишком утомительно. Скрывать правду и не выдать себя ни единой мелочью всё равно бы не получилось, так к чему эти мучения? Куда проще вести себя непринуждённо. К тому же, каков был настоящий Лю Сяочжу, Хо Фэнле всё равно не знал. Кто докажет, что покойный юноша не обладал таким же живым характером?

Да и если посудить, в прошлой жизни они общались не так уж много. Куда меньше, чем Лю Чжэньцин проводил времени во дворце подле Юань Цзюе. По-настоящему узнать его по нескольким привычкам могли разве что Хо Фэйхань да Ли Синжо. А Эрдгоу, пусть и отличался острым умом, заметив некие странности, мог лишь строить догадки. И это возвращало к извечному вопросу: ну заподозрит он неладное, и что с того? Любое совпадение всегда можно списать на случайность. Пока сам Лю Чжэньцин стоит на своём и ни в чём не признаётся, никто не сможет насильно вытащить его душу из тела для допроса.

Но самое главное — сейчас Хо Фэнле был связан императорским указом. На его плечах лежал тяжелейший долг, он не мог свободно распоряжаться людьми, а уж устроить облаву и перекрыть город, как в столице, здесь и вовсе было невозможно. Стоит Лю Чжэньцину почуять неладное — он просто выберет удобный момент, скроется из виду и растворится без следа, словно капля в море. Зачем же тогда изводить себя постоянной настороженностью?

С того самого мига, как генерал увёз его из столицы, право выбора безраздельно принадлежало Лю Чжэньцину.

Сидя на козлах повозки, юноша с улыбкой созерцал стонущих на земле разбойников.

— Я же сразу вам говорил: отдайте деньги, и никто вас не тронет, — Лю Чжэньцин покачал головой. — Но вы предпочли побои.

Хо Фэнле управился с ними, даже не обнажая меча. Сейчас он стоял над поверженным предводителем шайки, буравя его тяжёлым взглядом. Одно его присутствие давило сильнее, чем прижатый к горлу клинок.

Главарь оказался одноглазым. Единственное уцелевшее око заплыло от удара, и теперь бедолаге приходилось отчаянно моргать, чтобы хоть как-то сфокусировать зрение. Со стороны казалось, будто он без умолку кому-то подмигивает. Глядя на это зрелище, Лю Чжэньцин едва не покатылся со смеху.

— Сжальтесь, пощадите! — взмолился детина, подобострастно кланясь. — Наша оплошность, бес попутал! Не признали почтенных мастеров, виноваты!

С этими словами он дрожащими руками протянул свои богатства.

Лю Чжэньцин оглядел жалкую горсть медных монет и крошечные обрезки серебра. И ради этого они вышли на большую дорогу? Он разочарованно хмыкнул.

— И это всё? С такими талантами вас до сих пор не прибрали к рукам местные власти?

Тут явно крылось что-то странное.

— Вы ведь наверняка в доле с чиновниками, верно? — прищурился он, выдвигая самое очевидное предположение.

Разбойники испуганно замахали руками, отнекиваясь наперебой.

— Что вы, господин! — воскликнул Одноглазый. — Клянёмся, мы раскаялись! Мы ведь честные люди, нужда заставила на дорогу выйти — голод измучил, деваться некуда. Совсем недавно подались в тати. И то пошли на хитрость: решили караулить у самого подножия, пока другие, матёрые банды, до нас не добрались. Иначе нам бы и крошки не досталось.

— Ого, — удивился Лю Чжэньцин. — Выходит, здесь целая очередь из желающих пограбить? В ваших краях что, каждый второй в разбойники подался?

— А как иначе жить-то? — горько вздохнул предводитель.

Лю Чжэньцин понимающе промолчал. По собственному опыту он знал: когда мирные крестьяне уходят в леса, значит, дело с помощью голодающим совсем плохо. Сделать из законопослушного землепашца бунтаря не так-то просто — для этого нужно довести людей до крайней степени отчаяния, когда смерть от голода уже заглядывает в окна.

Пока он размышлял, Хо Фэнле повернулся к нему, безмолвным взглядом спрашивая, что делать с этой незадачливой шайкой.

В этот момент в небесах глухо гроыхнуло. Набежавшие свинцовые тучи заволокли солнце — собиралась гроза.

Лю Чжэньцин прищурился, глядя на небо, и его глаза лукаво блеснули.

— Ведите нас туда, где можно переждать непогоду, — распорядился он. — А как пройдёт гроза, проводите к ближайшему городу. Вы ведь здешние, небось знаете все безопасные тропы в обход крупных банд? Если доставите без происшествий — сохраним вам жизни.

Договорив, он покосился на Хо Фэнле. Тот молча кивнул в знак согласия.

Разбойники едва не разрыдались от облегчения. Помогая друг другу подняться, они поспешно засеменили вперёд, указывая дорогу.

Вскоре хлынул ливень. Путники едва успели добраться до полуразрушенной усадьбы, затерянной в лесной глуши.

Место выглядело зловеще — заброшенный, обветшалый дом походил на обитель призраков. Стоило им приблизиться, как изнутри донёсся залиvistый лай, и навстречу выбежал крупный косматый пёс грязно-жёлтой масти.

Повозку загнали прямо под прогнивший навес во дворе, чтобы уберечься от потоков воды. Хо Фэнле помог Лю Чжэньцину сойти на землю, прикрывая его от косых струй дождя, из-за чего его собственное плечо моментально промокло насквозь.

Увидев чужаков, пёс грозно оскалится. Однако стоило Хо Фэнле хмуро взглянуть на него, как животное мигом растеряло весь свой пыл, припало к земле и заискивающе завиляло хвостом.

Лю Чжэньцин только успел подивиться такой сообразительности, как Одноглазый, подскочив, шутливо замахнулся на пса ногой:

— Пошёл вон, Эрдгоу! Брысь под лавку, не мешай почтенным гостям!

Хо Фэнле застыл, словно громом поражённый.

Лю Чжэньцин вздрогнул и едва не оступился на ровном месте. Он медленно повернулся к предводителю. Тот заискивающе улыбнулся:

— Наш домашний сторож, из прежней жизни остался. Вы не бойтесь, он смирный, зря не укусит.

— Погоди... — выдавил Лю Чжэньцин, изо всех сил сдерживая рвущийся наружу хохот. — Как, ты сказал, его зовут?

— Эрд... Эрдгоу.

У Лю Чжэньцина задрожали плечи. Он прижал ладонь к губам, отчаянно пытаясь сдержать смех, отчего его буквально трясло. Скосив глаза на Хо Фэнле, он обнаружил, что лицо генерала потемнело, словно грозовая туча.

Пришлось зайтись притворным кашлем, чтобы хоть как-то выпустить скопившийся в груди воздух.

— Хорошее имя... — просипел Лю Чжэньцин, утирая выступившие слёзы. — Сразу видно, смышлённый малый.

Из тёмных углов заброшенного дома за ними со страхом и любопытством наблюдали женщины и дети. Одежда на них висела лохмотьями, лица были измождёнными и бледными от недоедания. Сразу стало ясно: беглецы едва сводят концы с концами.

— Не бойтесь, — громко крикнул им Одноглазый. — Господа просто переждут у нас непогоду.

Из тени выбежал чумазый мальчуган:

— Батюшка, ты же говорил, что пошёл грабить торговый караван?

Разбойник испуганно зажал сыну рот ладонью.

К нему робко подошла женщина, всматриваясь в его разбитое лицо:

— Муж мой, что с тобой? Кто тебя так?..

— Пустяки, всё ладно, — смущённо улыбнулся Одноглазый, растеряв всю свою напускную разбойничью удаль.

Лю Чжэньцин окончательно утвердился в своих выводах. Раз эти горе-разбойники без колебаний привели чужаков в собственное логово, значит, в душе они оставались простыми, наивными людьми. Они даже не подумали, что незваные гости могут оказаться карателями из управы.

Дрожа от страха перед грозным молчаливым воином, хозяева принялись усердно хлопотать: согрели воды и поднесли гостям по миске жидкой, серой каши.

Лю Чжэньцин не боялся отравы. Любые яды или сонные снадобья, доступные простому люду, он мог определить по одному лишь запаху. Принюхавшись к пару, поднимавшемуся от чаши, он спокойно сделал глоток.

Заметив это, Хо Фэнле тоже пригубил поднесённое питьё. Затем он негромко приказал кучеру раздать местным припасённые в повозке лепёшки и сушёное мясо.

Дети и женщины тотчас обступили возницу. Напряжение мигом рассеялось, уступив место

суматошному веселью. Ещё мгновение назад напуганные до смерти бедняки теперь рассыпались в бесконечных благодарностях, называя путников своими спасителями.

Хо Фэнле воспользовался моментом, чтобы расспросить хозяина о причинах, побудивших местных жителей уйти в горы.

История оказалась стара как мир. Осенний паводок, сменившийся лютыми зимними буранами, лишил крестьян последнего урожая. Помощь из столицы так и не пришла, оставив выживших один на один с голодом.

Однако Хо Фэнле точно помнил, что император Юань Цзюе лично подписал указ о выделении огромных средств на восстановление пострадавших провинций. Куда же делись эти деньги? Ответ напрашивался сам собой: местные чиновники попросту разворовали казну, бросив людей на произвол судьбы. В этой области испокон веков царил произвол, а запутанные отчёты позволяли местным властям легко водить столичных ревизоров за нос. Какого бы чиновника сюда ни прислали, он либо быстро марался в этой грязи, либо пропадал без вести.

— По правде говоря, большинство из нас на рожон не лезут, — разоткровенничался Одноглазый. — Нам чужой крови не надо, только бы прокормиться. Сейчас весна, в лесах дичи мало, вот и приходится промышлять на дорогах.

— И управа закрывает на это глаза? — нахмурился Хо Фэнле.

— А им-то что? Пока мы не шумим в самом центре области, а держимся окраин, стражники и пальцем не пошевелият. Зачем им тратить силы на мелкую сошку вроде нас? Мы это понимаем, черту не переступаем, берём лишь малую толику на пропитание.

— Но если дела пойдут на лад, неужели вы не хотите вернуться к мирному труду? — спросил Лю Чжэньцин. Помнится, когда-то он сам разрабатывал указы, позволявшие амнистировать оступившихся крестьян, если те не запятнали руки убийством.

Однако Одноглазый печально покачал головой:

— Нет у нас пути назад, господин.

Лю Чжэньцин удивлённо приподнял брови.

Не успел он расспросить подробнее, как к ним подбежал сияющий от радости хозяйский сынишка. Мальчик протянул Хо Фэнле какую-то безделушку — видимо, решил отблагодарить за угощение.

Присмотревшись к подарку, Лю Чжэньцин и Хо Фэнле невольно переглянулись.

В руках ребёнка была точно такая же игрушка, какую они видели у детей в придорожной чайной: грубо сколоченное из деревянных лучин подобие неровного колеса со множеством перемычек внутри и длинной рукоятью внизу.

Не успели они рассмотреть её поближе, как Одноглазый внезапно побелел от ярости. Он вырвал поделку из рук сына, швырнул на пол и с треском раздавил каблуком. Оглушительный крик отца заставил мальчишку вжать голову в плечи. На шум прибежала мать; побледнев при виде обломков, она схватила плачущего ребёнка за руку и потащила вглубь дома, на ходу осыпая шлепками.

Когда Одноглазый вновь повернулся к гостям, его гнев сменился испугом. Смущённо поклонившись, он пробормотал:

— Простите глупца, господа... Негоже этой скверне в руках ваших бывать. Это знак секты Небесного покровительства, они такие безделушки ребятишкам раздают, чтобы разум мутить.

— Секта Небесного покровительства? — Хо Фэнле нахмурился. — В Великой Чжоу запрещено распространение учений без одобрения императорского двора и местной управы.

— В том-то и беда, господин! Сами чиновники у них в первейших друзьях ходят, — сокрушённо вздохнул крестьянин. — Стоит примкнуть к этой братии, как у тебя и хлеб на столе заведётся, и монета в кармане зазвенит. Народу туда валит без счёта. Да только, как по мне, волки они позорные, а не святые люди. Заявились к нам, объявили, что наши пашни стоят на месте с «благодатным узором фэншуй», да и отобрали всё дочиста. Дескать, это ради блага наших потомков. Да только мы с голоду помрём раньше, чем эти потомки на свет появятся! А управа только кивает. Говорят, радоваться надо такому благословию. Тьфу на них и на их благословение!

Одноглазый, вопреки своей простоте, оказался на редкость трезвомыслящим человеком.

— Разве захват крестьянских земель не карается законом? Почему вы не подали жалобу? — спросил Хо Фэнле.

— Кому жаловаться-то? Три уездных начальника друг друга покрывают. Нам совали какие-то свитки с печатями, исписанные закорючками. Мы люди тёмные, грамоте не обучены, откуда нам знать, что там за законы? А когда пробовать стали правду искать, нас объявили бунтовщиками, избили до полусмерти да погнали взашей. Вот так мы и лишились родного крова. Даже если беда минует, возвращаться нам некуда — всё отняли. Одно теперь спасение — разбойничать.

Хо Фэнле помрачнел и умолк. Отважный полководец, привыкший крушить врагов на поле брани, перед лицом такой изощрённой чиновничьей подлости он чувствовал себя безоружным.

Однако появление столь опасного лжеучения в разорённом крае сулило большие беды всей

империи.

— Вы уж не сердчайте на мальчика, господа, — заискивающе добавил Одноглазый. — Ему в уши напели, будто эта штука от несчастий бережёт, вот он и решил поделиться от чистого сердца.

— Всё в порядке, — мягко улыбнулся Лю Чжэньцин. — Но ты расскажи нам побольше об этой секте. Не хотелось бы по незнанию нажить себе врагов в этих краях.

Одноглазый почесал затылок, собираясь с мыслями.

Как оказалось, секта Небесного покровительства объявилась здесь несколько лет назад, но в полную силу развернулась лишь в последнее время. Теперь они действовали в открытую, привлекая в свои ряды молодых, крепких парней и смазливых девок. Одно из главных условий вступления — полный разрыв связей с семьёй. Ушедшие в общину больше не возвращались домой, хотя родственникам исправно присылали мешки со скудным пайком и медные монеты в знак того, что их близкие живы и здоровы.

Управа оберегала проповедников пуще глаза, утверждая, будто те помогают усмирять бунты среди голодающих и вымаливают у небес прекращение засухи. Если же кто-то из местных богатеев или заезжих мастеров боевых искусств пытался перечить сектантам, стража тут же бросала смутьянов в темницу. В итоге область фактически оказалась во власти двух сил: продажных чиновников и таинственных жрецов.

Что самое пугающее — новоиспечённые адепты вели себя словно одержимые. Они безропотно верили каждому слову своего наставника, готовые по первому зову пойти на смерть.

Выслушав этот рассказ, Лю Чжэньцин и Хо Фэнле укрепились в подозрениях: секта и местное чиновничество сплелись в единый клубок змей. А когда государственная власть начинает плодить фанатиков — жди большой беды.

Вдруг Одноглазый тяжело вздохнул и сокрушённо хлопнул себя по колену:

— А ведь если подумать, во всем виноват тот проклятый лиходей — Канцлер Лю!

«Вот ведь напраслина! — мысленно взвыл Лю Чжэньцин. — Меня уже несколько лет как в гробу черви гложут, а они всё на меня валят!»

— Не устрой он в своё время великую смуту, не разведи эту свору жадных до денег пиявок, наша область не оказалась бы в такой разрухе, — продолжал разглагольствовать крестьянин. — Глядишь, при нынешнем молодом государе мы бы давно вздохнули свободно. А теперь расхлёбываем наследие этого предателя...

Лю Чжэньцин почувствовал, как у него заныли зубы. Оправдываться было бесполезно.

Вдруг Одноглазый осёкся и испуганно замер.

Лю Чжэньцин проследил за его взглядом и вздохнул. На лице Хо Фэнле не осталось ни единой живой эмоции — лишь ледяная, уничтожающая ярость. Генерал смотрел на бедного мужика так, словно тот только что подписал себе смертный приговор.

Крестьянин задрожал под этим нечеловеческим давлением и попятился, едва не опрокинув ушат с водой.

— Ладно тебе, — поспешно вмешался Лю Чжэньцин, спасая бедолагу. — Мой спутник просто не выносит пустой болтовни о политике. Ступай к семье, отдохни. Как дождь утихнет, тронемся в путь.

Одноглазый закивал как безумный и опрометью бросился прочь.

Оставшись наедине, они устроились под навесом на охапке сухой соломы. Прислонившись спиной к облупившейся стене, оба молча созерцали серую стену дождя. Атмосфера сделалась невыносимо душной и тяжёлой.

Тишину нарушил негромкий собачий лай.

Лю Чжэньцин покосился в сторону. Увидев лохматую морду, он почувствовал, как недавняя досада улетучивается, уступая место весёлому задору. Скосив глаза на Хо Фэнле, который по-прежнему сидел насупившись, Лю Чжэньцин хитро прищурился.

— Эрдгоу! — позвал он, ласково пощёлкав пальцами. — А ну-ка, иди к братцу Ситину!

Хо Фэнле вздрогнул и мгновенно повернул к нему голову.

А Лю Чжэньцин, словно не замечая этого взгляда, вовсю заигрывал с косматой дворнягой. Удивительно, но пёс оказался весьма падок на ласку: он охотно подбежал к юноше, ткнулся влажным носом в ладонь и задорно завертел хвостом.

— Ах ты мой хороший, — приговаривал Лю Чжэньцин, почёсывая пса за ухом. — Нашёлся умница. Иди сюда, Эрдгоу, дай я тебе пузико почешу!

Он умышленно выговаривал это имя с особой нежностью, краем глаза наблюдая за реакцией своего спутника.

Генерал выглядел так, будто проглотил целиком горькую пилюлю. Его взгляд, устремлённый на несчастное животное, обещал тому немедленное изгнание в преисподнюю. Лю Чжэньцин едва сдерживал торжествующий хохот.

— А ну-ка, Эрдгоу, покажи лапку! Ути-пути, какой послушный мальчик! — продолжал издеваться юноша, приподнимая заднюю лапу пса. — Батюшки, да ты у нас кобель!

Кажется, терпению грозного воителя пришёл конец. Хо Фэнле резко подался вперёд и бесцеремонно отодвинул собаку от Лю Чжэньцина.

— Что такое? — невинным голосом спросил тот, захлопав ресницами. — Тоже хочешь поиграть с Эрдгоу?

Хо Фэнле посмотрел на него тем самым детским, обиженным взглядом, какой Лю Чжэньцин уже видел у лесного источника. В его глазах читалась неприкрытая досада, смешанная с невысказанным упрёком.

— Не трогай его, — процедил генерал, стараясь сохранить невозмутимый вид. — Он грязный.

Поняв, что «старший» Эрдгоу вот-вот окончательно выйдет из себя, Лю Чжэньцин решил больше не испытывать судьбу и с улыбкой отпустил несчастного пса.

Благодаря этой нелепой сцене гнетущая атмосфера рассеялась, и даже унылый шум дождя за стеной показался им вполне весёлым.

Вскоре небо прояснилось. Как и было уговорено, Одноглазый повёл их тайными тропами, обходя заставы других разбойничьих банд. Когда впереди показались очертания городских ворот, проводник остановился, наотрез отказавшись идти дальше.

Хо Фэнле щедро одарил его серебром, посоветовав уходить с семьёй как можно дальше от этих мест или затаиться в ожидании перемен.

Простой крестьянин не понял, о каких переменах толкует благородный господин, но деньги принял с поклоном и долго благодарил, падая на колени.

— Полно тебе, — с улыбкой прервал его Лю Чжэньцин. — Если хочешь отблагодарить нас по-настоящему... береги Эрдгоу.

Хо Фэнле медленно повернул к нему голову.

Одноглазый недоумённо захлопал ресницами, а Лю Чжэньцин ослепительно улыбнулся:

— Уж очень мне понравился этот пёс. Душа к нему лежит.

Лицо генерала едва заметно дрогнуло, и он поспешно отвернулся, пряча взгляд.

Когда проводник скрылся в лесной чаще, их повозка неторопливо покатила по дороге, ведущей к главным воротам округа — самому сердцу области Соляных Холмов и оплоту таинственной секты Небесного покровительства.

<http://bllate.org/book/20542/2214255>